

Юлия Шахрай

**СЕМЬЯ ГОСПОЖИ
АННАРИ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш32

Ш32 **Шахрай Ю.**
Семья госпожи Аннари / Юлия Шахрай – М.: Литнет, 2025. – 208 с.

ISBN 978-5-521-94333-3

Анна всегда мечтала о большой семье: чтобы были родители, любящий муж и дети. О том, каким образом сбудется её мечта, узнаете в этой книге) Заключительная книга серии Мир Фьори

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94333-3

© Литнет, 2025
© Ю. Шахрай, 2025

Пролог

Мама лежит у подножия лестницы. Кровь вокруг расплывается алой кляксой. Глаза закрыты, но грудь вздымается, и только из-за этого понятно, что мама жива. Бегу к ней, но меня перехватывает повариха и крепко удерживает:

– Не ори! Твоя мама упала с лестницы. Сейчас Хотя ей поможет.

Вырваться не получается. Стараюсь быть сильной, чтобы не пропустить возможность помочь, но слёзы льются помимо воли.

Хотя неторопливо, по ощущениям целую вечность, спускается со второго этажа, осматривает маму и недовольно кривится:

– Марта, помоги отнести её на второй этаж. Я сама не дотащу.

– Иду.

Как только Марта ослабляет хватку, сразу же бегу к маме. Трясу её, надеясь, что она придёт в себя:

– Мама! Мамочка!

Наконец, она приоткрывает глаза и, словно в бреду, шепчет:

– Татиночка... Мне больно... Мне так больно...

И снова теряет сознание. Сердце замирает от страха. Хочу помочь маме, сделать хоть что-то, но не знаю как. Я слишком маленькая, слишком слабая, слишком неумелая. Такая беспомощная сейчас! Моей любимой мамочке плохо, а я ничего не могу с этим поделать.

Они доносят маму до комнаты на втором этаже, а меня выставляют за дверь. Сажу, обняв колени, и вслушиваюсь.

Когда слёзы заканчиваются и получается лишь всхлипывать, дверь спальни открывается, и тётки выходят. У Марты в руках свёрнутая простыня с чем-то внутри.

Вскакиваю:

– Как мама? Она жива?

Хотя проворачивает ключ в замке и кривится:

– Ничего ей не сделалось. Жива она. А вот ребёнка скинула.

– Я хочу её увидеть!

– Твоя мама болеет. Не нужно её беспокоить.

– Но...

Они не слушают и уходят.

Спускаюсь за ними, вижу, как берут лопаты и отправляются в сад. Казалось бы, после новости о том, что мама жива, мне должно полегчать, но почему-то становится только тревожнее. Словно уже случилось что-то непоправимое, страшное. Но словно это только начало и теперь всё изменится.

Дождавшись возвращения женщин, снова прошу их разрешить повидать маму. Марта отмахивается от меня, а Хота кривится:

– Твоей маме нужен покой. Её пока нельзя навещать.

Не действуют ни слёзы, ни уговоры. Злыдни больше не притворяются, не лгут. Теперь их поведение совпадает с тем, что я о них думаю. Так надеялась, что ошибаюсь, что слишком маленькая и не понимаю... Но я оказалась права.

Ощущаю полное бессилие. А ещё мне очень страшно. Настолько, что хочется бежать отсюда подальше. Не выдерживаю и забиваюсь в угол своей комнаты. Твержу себе:

– Это сон! Это просто страшный сон!

Знаю, что не сплю, но как же хочется ошибиться!

Марта зовёт меня на ужин. Ставит передо мной тарелку супа и точно такие же перед собой и Хотой. Они приступают к еде. Даже в таком состоянии ощущаю голод, но не могу заставить себя начать есть. Суп кажется неправильным. Лица злобных женщин кажутся неправильными тоже. Внутри звенит от ощущения опасности.

Откусываю кусочек хлеба и медленно его прожёвываю.

– Ешь давай, – не выдерживает Хота.

Вскакиваю из-за стола:

– Спасибо, но мне не хочется.

Женщины тоже поднимаются из-за стола. Не дожидаясь того, что последует дальше, позволяю себе поддаться чувствую опасности, которое уже вовсю вопит: «Беги! Беги отсюда! Скорее!»

Забегая в комнату и слышу за спиной топот – каким-то чудом у меня есть фора, но это не надолго. Открываю окно, выпрыгиваю в сад и прячусь за ближайшим пышным кустом. Затаиваюсь. Даже дыхание задерживаю, чтобы себя не выдать. Только повторяю про себя: «Меня здесь нет. Меня здесь нет»...

– Сбежала, поганка! – доносится из спальни голос Марты.

– Ничего, когда-нибудь проголодается, – хмыкает Хота.

Они замолкают. Сижу, делая осторожные вдохи и продолжая твердить: «Меня здесь нет. Меня здесь нет». Через пару минут слышу разочарованное:

– И правда, сбежала. Вот змеюка мелкая! Пойдём.

Слышу шаги, звук хлопающей двери и обхватываю колени руками. Чувство опасности стихает, замирает на донышке, готовое снова в любой момент вернуться. Отчётливо понимаю, что пока идти в свою комнату мне нельзя.

Мысленно перебираю места, где можно переночевать. В деревню нельзя – меня сразу вернут, если увидят. Им ничего не докажешь: я маленькая, а значит, должна слушаться взрослых. А взрослые думают, что сбежать плохо, и не верят детям. Даже староста не поверит, что уж говорить об остальных.

Сегодня ночью пойдёт дождь, так что прятаться в саду тоже нельзя – промокну. Может быть, в сарай? Я помню, что в одном была солома. Старая, но это всё равно лучше, чем ничего.

Жду, пока совсем стемнеет, а затем осторожно выбираюсь из своего укрытия. Иду тихонько, прячась за кустами, чтобы злые женщины не смогли меня увидеть, если вдруг не вовремя посмотрят в окно. Это занимает много времени, но я справляюсь.

Сарай встречает полумраком. Хватаю охапку сена и тащу в самый дальний пыльный угол, скрытый кучей хлама. Кажется, что так будет надёжнее. Обогнув кучу, натываюсь на два ярко горящих в темноте жёлтых глаза. В голове раздаётся:

– Не бойся! Я тебя не обижу!

Желтые огоньки приближаются, а потом часть тьмы формируется в кошку. Она садится, позволяя себя получше разглядеть. Голова кошки вровень с моей. У неё пушистая мордочка, удлинённые ушки и красивая чёрная шерстка. Улыбаюсь:

– Вот ещё! Бояться тебя! Делать мне нечего... Меня Татина зовут. А тебя?

– Чернышка. Хочешь, покажу своих котят?

– Спрашиваешь!

Котята похожи на два пушистых клубочка. Сверкают жёлтыми глазками и смешно шевелят усами. Кошка укладывается рядом с ними, и появляется ощущение, словно она улыбается:

– Ложись и рассказывай.

Пристраиваю голову на её пушистый бок, глажу его и делюсь всеми своими бедами. Откуда-то точно знаю, что она не навредит мне. Что она – друг.

Чернышка внимательно выслушивает, а потом в моей голове звучит её голос:

– Ты всё правильно сделала. Но поесть тебе всё-таки нужно. Пошли.

– Куда?

– Ты же кушаешь груши? Тут неподалёку есть. Твои злыдни сейчас настороже, так что соваться в дом пока не стоит. Но поесть тебе необходимо. Идём.

Добравшись до заброшенного уголка сада, срываю и с аппетитом съедаю аж три груши. Ещё три беру про запас, и мы возвращаемся в сарай.

Снова укладываю голову на мохнатый бок. Чувствую себя в безопасности. А вот мама... Слёзы накатывают внезапно. Пытаюсь их сдерживать – я же уже не малышка – но ничего не получается.

Кошка вздыхает:

– Плачь. Тебе сейчас это нужно. Не сдерживайся.

Отпускаю себя. Рыдаю. Размазываю слёзы по щекам. Чем дальше, тем больше мне легче. Постепенно слёзы заканчиваются, а вместе с ними и прежние эмоции словно теряют яркость. Сквозь сон разбираю слова кошки:

– Вот и молодец. Теперь ты точно справишься.

Следующей ночью пробираемся тайком на кухню. Кошка периодически останавливается, чутко прислушивается, а потом говорит, что делать дальше. Прокрадываемся в кладовку. По её совету беру всего по чуть-чуть, чтобы не было заметно. А когда выходим, предлагаю сходить проведать маму.

Чернышка качает головой:

– Не стоит. Слишком опасно. Не сейчас.

– Но вдруг ей плохо?

– Ты почувствуешь, если ей станет плохо. А сейчас идём.

Она оказывается права. В одну из ночей я вскакиваю от пронзающей боли. Боли невосполнимой потери. Чернышка показывает на свою спину и командует:

– Залазь!

Забираюсь и мы бесшумно мчимся, да так быстро, что приходится зажмуриться. Не знаю, каким образом у неё получается открывать мешающие двери, но мы добираемся до маминой комнаты без остановок. Кошка командует:

– Положи ладонь на замок. Правильно! Вот так, – она прижимается ко мне боком потеснее и продолжает: – Закрой глаза и сосредоточься. Сосредоточься, я сказала! Представь, что из ладони вытягивается крюк и проворачивает запор замка.

Услышав щелчок, открываю глаза. Дверь открылась.

Подбегаю к маминой кровати. Приходится забраться на неё, потому что роста не хватает. Мама выглядит безжизненной. Беру её за руку, но она как будто больше не мамина. Грудь мамы не вздымается и дыхания нет.

Становится невыразимо больно.

Глаза уже начинают наливаться слезами, когда кошка командует:

– Прекрати! Ещё не всё потеряно! Если хочешь её вернуть – соберись! Ты же хочешь её вернуть?

– Да, – киваю я, вытирая выступившие слёзы. Глупо реветь, когда всё ещё можно исправить. – Что мне нужно делать?

– Положи маме руку на лоб и молись Богам. Постарайся передать им, как тебе нужна мама. Как тебе больно без неё.

– Хорошо, – киваю я.

Занимаю место у головы, тогда как кошка прыгает маме на грудь и принимается мурлыкать, отчего мамино тело начинает слегка вибрировать.

– Давай! – командует кошка.

Закрываю глаза и прошу Богов вернуть мне маму. Мысленно кричу о своей боли. О том, как мне страшно... О том, что мне сейчас очень нужна помощь!

Слышу звук глубокого вдоха и тут же распахиваю глаза, с отчаянной надеждой глядя на маму. Она жива! Снова жива!

Обрадоваться мешает страх:

– Это точно всё ещё моя мама?

Кошка спрыгивает с кровати:

– Нельзя вернуть в тело чужую душу. Я же была рядом, так что это точно твоя мама. Она может измениться, но это всё ещё будет твоя мама.

Прижимаюсь к маме и шепчу:

– Спасибо!

– Идём, – торопит кошка. – Нам пора. Ты же не хочешь, чтобы всё было напрасно?

– Не хочу, – качаю головой я.

Пытаюсь сдержать слёзы. На этот раз, слёзы радости. Откуда-то знаю, что ничего плохого больше не случится.

Днём, как обычно, отсиживаюсь в своём убежище, когда кошка внезапно подхватывается с места, настороженно вслушивается, а потом произносит:

– Иди! Я чувствую, что сейчас маме понадобится твоя помощь!

– Куда идти? – мигом вскакиваю я.

– Беги ко входу. Тебе нужно впустить мужчину и отвести его к маме. Ты справишься.

– Прямо так бежать?

– Да. И быстрее!

Бегу до ворот усадьбы так быстро, как только получается. По сторонам не смотрю, но на всякий случай мысленно повторяю: «Меня тут нет! Меня тут нет!» Распахнув ворота, вижу, как подъезжает седой мужчина. Жду, пока он спрыгнет с лошади и заведёт её внутрь, а потом подбегаю к нему и хватаю за рукав:

– Скорее! Маме плохо!

Он мне почему-то верит. Сжимает мою ладошку и бежит за мной. Останавливаемся, только когда добегаем до маминой спальни.

– Мама тут! – показываю я.

Он толкает дверь и входит. Прошмыгиваю следом:

– Мама! Мама!

На злыдню, стоящую у кровати, не обращаю внимания. Всё, что мне нужно – убедиться, что мама действительно жива. Мама смотрит удивлённо, отмахивается от чашки с чем-то злым, которым её пытается напоить злыдня, и та шипит:

– Сейчас же выйдите отсюда! Баронесса больна и не принимает гостей.

Но мама поднимает взгляд на мужчину и просит:

– Не уходите, помогите мне!

Лицо мужчины суровеет, и он переводит взгляд на злыдню:

– Что здесь происходит? И кто вы?

Та высокомерно задирает нос:

– Я экономка баронессы Аннари. Она болеет, после того как скинула ребёнка, и сейчас не в себе. Вам стоит уйти.

– Оставайтесь, – отчаянно настаивает мама. – Эта женщина меня опаивает каким-то наркотиком. Помогите мне, пожалуйста.

Мужчина в несколько шагов преодолевает расстояние, отделяющее его от кровати, быстрым движением берёт часть одеяла, на которую пролилось зелье, прижимается, и его глаза яростно сужаются:

– Вы поите её лепестками алуники! Удивительно, как она вообще в состоянии говорить!

Злыдня срывается с места и пытается выбежать из комнаты, но мужчина оказывается быстрее. Он перехватывает беглянку и ловко связывает с неё же снятым поясом. Деловито интересуется:

– В доме ещё кто-то есть?

Киваю:

– Ещё кухарка Марта, её сестра.

– Больше никого?

– Никого.

– Хорошо. На всякий случай запритесь и ждите меня здесь.

Закрываю дверь, а потом забираюсь к маме на кровать и крепко-крепко её обнимаю:

– Мама, теперь всё будет хорошо?

– Да, милая, – кивает она.

В груди разливается тепло. Это точно моя мама. Когда она волнуется, всегда меня так называет. И взгляд совсем прежний. Родной. Теперь я знаю. Она всё такая же. Немного изменилась, но это всё ещё моя мама.

– Они не разрешали мне к тебе приходить, а я так скучала! – жалуясь я.

Она крепче прижимает меня к себе:

– Я тоже по тебе скучала, милая.

Становится спокойно и легко. Я справилась. Теперь всё будет хорошо.